

Правда, на рубеже двух веков уже наблюдается перелом, намечается переоценка философского наследия Вико, хотя пока еще в рамках генетической теории. В журнале «Вопросы философии и психологии» А. К. Джигилегов пишет: «...его (Вико. — Л. С.) страницы о происхождении членораздельной речи больше всего привлекают внимание современного читателя. Положительно трудно поверить, что это писано в начале XVIII в. Стоит теперь раскрыть любую книгу по культурной истории, и там можно будет найти то же самое»⁷.

Древнее изречение «habent sua fata libelli» распространяется и на ученые труды. В последнее время итальянский мыслитель привлекает внимание не только историков и философов, но и литературоведов, этнологов, лингвистов. Например, Е. М. Мелетинский считает Вико первым, кто создал серьезную философию мифа: «Философия мифа Вико в зародыше, т. е. синкретически, содержит почти все основные направления в изучении мифа: столь различные и порой враждебные друг другу гердеровскую и романтическую поэтизацию мифологии и фольклора, анализ связи мифа и поэтического языка у Мюллера, Потемни и даже Кассирера, теорию «пережитков» английской антропологии и «историческую школу» в фольклористике, отдаленные намеки на «коллективные представления» Дюркгейма и прелогизм Леви-Брюля»⁸.

Что касается современной лингвистической мысли, то сам факт обращения к истории с преимущественной ориентацией на тот или иной период и проявление интереса к теоретическим концепциям других исторических эпох характеризует научную атмосферу настоящего времени, которой, как справедливо отмечает А. Р. Лурия, свойственны «разочарование в возможностях механистического редукционизма и настоятельная нужда в новых синтетических концепциях»⁹.

Вико, пожалуй, одним из первых в истории философской мысли задался целью придать филологии форму науки (*philologiam ad scientiae normam esigere*), поставил проблему систематизации гуманитарных знаний с позиций, вступающих в противоречие с оптимистическим рационализмом «просвещенного века», противопоставив философии разума философию целостного человека.

Математика, ставшая исторически наукой ранее других областей знания, предопределила концепцию «научности» как системы знания, опирающегося на факты, пользующегося определенным методом и формулирующего законы и принципы, которую философия XVII — XVIII вв. оформила четким силлогизмом: наука становится таковою лишь постольку, поскольку она превращается в чистую или прикладную математику.

Вико разделяет тот общий взгляд, что наука должна придерживаться строгого и единого метода, но методы разных наук должны различаться частностями, «смотря по природе самих вещей». Он выступает против известного высказывания: «*nihil certi habemus in nostra scientia nisi nostra mathematica*», ставшего ходячим мерилом научной истины; и картезианская философия, снискавшая блестящую славу ее создателю и необыкновенную популярность его методу, подвергается принципиальной критике именно с этой точки зрения — со стороны метода.

Вико высоко ценит исторический вклад Декарта в развитие науки, он восхищается своим противником и сам иногда оказывается под его влиянием, но в претензиях геометрического метода на универсальность неаполитанский мыслитель усматривает и философскую ограниченность, и социальную опасность. «Философы как бы притупили свой гений карте-

⁷ Джигилегов А. К. Вико и его система философии истории. — «Вопросы философии и психологии», год 7, кн. 34 (сент. — окт. 1896), с. 409, 410.

⁸ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976, с. 16.

⁹ Лурия А. Р. Научные горизонты и философские тупики в современной лингвистике (размышления психолога о книгах Н. Хомского). — «Вопросы философии», 1976, № 4, с. 46.